

В. Н. Давыдов

МОБИЛЬНОСТЬ КАК РЕФЛЕКСИВНЫЙ И КРЕАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЭВЕНКАМИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-24-30

УДК 39(=941.1)

ББК 63.521(=65)

В статье рассматривается роль инфраструктуры в повседневных практиках эвенков Восточной Сибири в контексте их постоянных перемещений. Мобильность эвенков анализируется как рефлексивный и креативный процесс, основанный на обработке большого количества постоянно обновляемой информации об окружающей среде, погодных условиях, перемещениях людей, техники, а также диких и домашних животных. Она является результатом синтеза традиционных технологий и инноваций. Исторически эвенки осваивали пространство посредством оборудования временных баз, на которые они периодически возвращались. Инфраструктура, появившаяся в ходе реализации проектов индустриального развития, а также политики перехода к оседлому образу жизни, была прагматически инкорпорирована эвенками для решения своих повседневных задач: она использовалась как источник строительных материалов, топлива, в качестве мест для ночлега, хранения вещей и организации перемещений. Все это служит рационализации мобильности и получения энергии, являясь результатом рефлексивного процесса, который не проводит четкой границы между природным и антропогенным ландшафтом.

Ключевые слова: *мобильность, освоение пространства, инфраструктура, использование местных ресурсов, креативность, темпоральность, рефлексивность, Восточная Сибирь, эвенки, охотники, оленеводы*

В статье обобщается эмпирический материал, собранный автором в ходе экспедиций в Республику Бурятия, Республику Саха (Якутия), Забайкальский край и Амурскую область с 2007 по 2017 гг. При этом главное внимание уделяется мобильности эвенков-охотников и оленеводов Восточной Сибири, а также практикам использования ими объектов инфраструктуры.

Авторы многих работ по этнографии эвенков (тунгусов) так или иначе касались проблемы мобильности, описывая кочевое хозяйство, быт охотников и оленеводов, их жилища, орудия труда, средства передвижения, а также мировоззрение. Существенный вклад в исследование мобильности эвенков внес С. М. Широкогоров: он описал четыре миграционные волны северных тунгусов и реконструировал перемещения различных эвенкийских родов.¹

¹ См.: Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups). Shanghai, 1929.

*Владимир Николаевич Давыдов — к.социол.н., PhD in Anthropology, зав. отделом этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com*

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-18-00309 «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В. Н. Давыдов)

Важные обобщения, касающиеся целостного видения кочевого образа жизни эвенков, были сделаны Г. М. Василевич,² В. А. Туголуковым,³ Д. Г. Андерсоном,⁴ А. А. Сириной,⁵ Т. В. Сафоновой и И. Шантой,⁶ А. Лаврилье и С. Габышевым,⁷ Д. Брандишаускасом⁸ и др. Тем не менее, мобильность эвенков как отдельная тема исследована недостаточно.

Под воздействием проектов индустриального развития постепенно трансформировались маршруты и способы перемещения эвенков в пространстве. При этом представители их различных групп были инкорпорированы в проекты индустриального развития, обеспечивая оленным транспортом многочисленные

² Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969.

³ Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969; Он же. Идущие поперек хребтов. Красноярск, 1980.

⁴ Anderson D. G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000.

⁵ Сирина А. А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. 2-е изд., испр. и доп. М.; Иркутск, 2002; Она же. Эвенки и эвены в современном мире: Самосознание, природопользование, мировоззрение. М., 2012.

⁶ Safonova T., Sántha I. Mapping Evenki Land: The Study of Mobility Patterns in Eastern Siberia // Folklore. 2011. Vol. 49. P. 71–96.

⁷ Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg; Havel, 2017.

⁸ Brandišauskas D. Leaving Footprints in the Taiga: Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters. New York, 2016.

геологические партии в труднодоступных районах. Каюры-эвенки были незаменимыми спутниками во многих экспедициях, помогали картографировать территории и перевозить грузы в тайге и тундре при отсутствии дорог. В рамках такого взаимодействия постепенно создавалась инфраструктура, необходимая для реализации проектов поиска и добычи полезных ископаемых. Ее появление оказывало существенное влияние на мобильность эвенков, предоставляя им новые возможности для перемещений и обмена, интенсифицируя эти процессы в определенных местах и меняя маршруты перекочевков. Современные эвенки активно используют имеющуюся инфраструктуру, дороги: во многих районах они приспособились к перемещениям на вахтовом транспорте добывающих компаний, пользуются им для перевозки топлива, продуктов, для заброски их на охотничьи участки и оленеводческие стоянки.

Большое влияние на мобильность эвенков оказало строительство поселков, которые превращались в центры распределения ресурсов, создавая необходимость длительного присутствия в них части эвенкийского населения. Политика перехода к оседлости, привела к существенным различиям между мобильностью эвенкийских женщин и мужчин, создав характерную для многих северных сообществ ситуацию постепенного «перемещения» женщин из тайги и тундры в поселки.⁹ Сегодня в большинстве эвенкийских оленеводческих хозяйств стада окарауливают мужчины, периодически подменяя друг друга и работая вахтовым методом, женщины же и дети живут в тайге в основном в летний период, во время школьных каникул. На сезон охоты в тайгу также выезжают, как правило, мужчины.

Важной аналитической категорией для исследования мобильности является темпоральность, позволяющая проанализировать это явление в рамках феноменологической перспективы. Проблема темпоральности ландшафта была сформулирована Т. Инголдом, раскритиковавшим статичные и застывшие репрезентации ландшафта.¹⁰ Подобный подход дает возможность рассматривать мобильность как динамический процесс, происходящий в контексте перемещения большого количе-

ства акторов, а также постоянных изменений состояния окружающей среды, погодных условий и ландшафта; позволяет исследовать в динамике различные постройки и места, которые используют эвенки, в контексте их взаимосвязи с другими местами и объектами. В этом смысле охотничье зимовье или оленеводческая стоянка — это всегда точка на пути из одного интенсивно используемого места в другое, где мобильность выступает не результатом и свершившимся фактом, а как процесс, происходящий в контексте различных перемещений.

В рамках советской идеологии инфраструктура репрезентировалась как своеобразный «дар», как достижение политического режима, который делал жизнь эвенков более современной, благоустроенной.¹¹ Основываясь на идее модернизации и на необходимости замены «устаревшего», административный дискурс помещал инфраструктуру в контекст определенного временного режима, который репрезентировался как более современный по отношению к традиционным способам перемещения в тайге, что создавало этнографическую реальность с различными одновременно существующими образами времени,¹² а также разделяло инфраструктуру и окружающий ландшафт.

Фактически в каждый конкретный момент времени эвенки не присутствуют в поселении или на базах в тайге, а рассеяны по огромной территории. Мобильность местных жителей предполагает «сложную комбинацию присутствия и отсутствия»¹³ людей, средств передвижения и домашних животных в интенсивно используемых местах. Эвенкийские поселки находятся в состоянии постоянного приезда и отъезда жителей, причем наличие дорог, а также периодически курсирующего вахтового транспорта, позволяющего быстрее добраться до оленеводческих стоянок и пастбищ, делает маятниковые перемещения между поселком и базами в тайге более интенсивными. Эти факторы оказывают влияние на способы перекочевков со стадами, которые находятся близко от поселка или баз, поскольку использование транспорта и наличие возможностей их посещения позволяют оленеводам обходиться меньшим количеством перевозимых с собой вещей и продуктов.

⁹ См.: Лярская Е. В. Женщины и тундра: Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 3–38.

¹⁰ См.: Ingold T. The temporality of the landscape // World archaeology. 1993. Vol. 25, № 2. P. 152–174.

¹¹ См.: Ssorin-Chaikov N. V. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford, 2003.

¹² См.: Ssorin-Chaikov N. V. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago, 2017.

¹³ Урри Д. Мобильности. М., 2012. С. 147.

Хозяйственный уклад эвенков базируется на сочетании динамического и статического способов организации среды.¹⁴ Иными словами, они осваивают определенные места, а также осуществляют перемещения между ними, используя мобильные и стационарные постройки. Жизнь оленеводов и охотников — это постоянное перемещение между различными точками пространства; она предполагает, что человек живет не в одном месте, а в нескольких, и все они имеют значение для организации повседневных практик. Вещи, принадлежащие конкретному человеку, не сконцентрированы в одном месте, а рассеяны по ландшафту на большой территории, при этом человек может использовать целый ряд мест для ночлега и хранения вещей.

Перемещения эвенков не хаотичны: они организованы в определенную систему, связаны с сезонными видами деятельности, обусловлены необходимостью поиска подходящих пастбищ для оленей. Кроме того, совместные перемещения оленя и человека, обмен животными и скрещивание домашних оленей с дикими постепенно создают стадо, сильно отличающееся в генетическом отношении от популяции местных диких оленей, а часто и от соседних оленеводческих хозяйств.¹⁵

Отдельные места используются охотниками и оленеводами более интенсивно, играют роль центров хранения и распределения вещей, инструментов, строительных материалов. Некоторые из подобных пунктов эвенки посещают из года в год.¹⁶ Основываясь на гренландских материалах, Кирстен Хаструп рассматривает кочевой ландшафт как включающий сеть пространственных центров, каждый из которых может служить точкой отсчета.¹⁷ В случае эвенков также можно говорить о множественности точек отсчета, которые служат временными центрами. Подобные логистические центры, используемые для ночлега, приготовления пищи и хранения вещей, нередко возникают в местах, где есть заброшенные постройки и инфраструктура.¹⁸

Осваиваемую эвенками территорию можно обозначить как «пространство сложных стратегий».¹⁹ Оленеводы из поселка Чапо-Олого в Забайкальском крае сравнивали речную долину, где они выпасали оленей, с шахматной доской. Обрамленная горами долина представляла собой замкнутое пространство, в рамках которого перемещались люди, олени и хищники, что создавало необходимость отслеживать, как это делают шахматисты, перемещения всех этих акторов.²⁰

В этом контексте можно говорить еще об одной важной составляющей мобильности эвенков — о ее рефлексивном характере. Э. Гидденс пишет о рефлексивности как об особой черте современности, соответствующей эпохе модернити.²¹ Тем не менее, определенные формы рефлексивности всегда были свойственны сообществам охотников-собираателей. Если охарактеризовать мобильность эвенков, то это прежде всего рефлексивная мобильность.²² Каждое новое их перемещение оказывается связанным с совокупностью других перемещений. Рефлексивность имеет несколько измерений: она может быть рассмотрена как с точки зрения инсайдера, т. е. участника движения, так и с позиции определенного места. Для эвенков важны оба измерения: с одной стороны, происходит оценка изменений в конкретных местах, с другой — постоянно отслеживается поток перемещений различных акторов. Информация об окружающем ландшафте, а также о различных участниках перемещений все время обновляется, при этом сам наблюдатель находится в движении.

Важную роль в передаче и обновлении информации играют повседневные разговоры оленеводов и охотников. Здесь можно поспорить с Ране Виллерслом, который трактует разговоры охотников-юкагиров как процесс «очеловечивания» после имитации людьми поведения животных в процессе охоты.²³ Конечно, уподобление (мимезис) играет немаловажную роль в охоте. Например, в Сибири

¹⁴ См.: Сирина А. А. Указ. соч. С. 93–217.

¹⁵ См.: Maintaining genetic integrity of coexisting wild and domestic populations: Genetic differentiation between wild and domestic Rangifer with long traditions of intentional interbreeding / Anderson D. G. [et al.] // Ecology and Evolution. 2017. Vol. 7, iss. 17. P. 6790–6802.

¹⁶ См.: Davydov V. N. Temporality of Movements in the North: Pragmatic Use of Infrastructure and Reflexive Mobility of Evenkis and Dolgans // Sibirica. 2017. Vol. 16, № 3, Winter. P. 14–34.

¹⁷ См.: Hastrup K. The Nomadic Landscape: People in a Changing Arctic Environment // Geografisk Tidsskrift: Danish Journal of Geography. 2009. Vol. 109, № 2. P. 181–189.

¹⁸ Например, охотники и оленеводы используют поселки Чина в Забайкальском крае, Перевал на севере Республики

Бурятия, Торго, Олоннокон и кордон Чаруода на юге Республики Саха (Якутия) в качестве временных баз.

¹⁹ Головинёв А. В. Арктическая мобильность: технологии и стратегии // Сев.-вост. гуманит. вестн. 2015. № 4 (13). С. 8.

²⁰ См.: Давыдов В. Н. Ход конем: шахматы у эвенков-оленеводов Северного Байкала и Забайкалья // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб., 2015. С. 241–246.

²¹ См.: Giddens A. The Consequences of Modernity. Cornwall, 1993.

²² См.: Davydov V. N. Op. cit. P. 24.

²³ См.: Willerslev R. Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukaghirs. Berkeley, 2007.

хорошо известны различные способы имитации, начиная от магических манипуляций и заканчивая охотой с оленем-манщиком.²⁴ Тем не менее, по наблюдениям автора данной статьи, охотники и оленеводы, встречаясь после интенсивных походов и разговаривая с другим человеком, преследуют прежде всего цель обмена информацией. Именно необходимость передать большое количество сведений за ограниченный промежуток времени и создает своего рода «экономность» разговора, часто состоящего из коротких, но емких по содержанию сообщений. Участники коммуникации при этом упоминают большое количество местных географических названий, позволяющих локализовать цепь перечисленных событий. В подобных повседневных разговорах охотники постоянно обновляют информацию об окружающем их ландшафте, перемещениях хищников, о погоде, причем эти знания имеют для них практическое значение. Таким образом, наблюдение, вербальная и невербальная коммуникация, умение прогнозировать, логическое мышление и интуиция позволяют эвенкийским охотникам и оленеводам координировать свои перемещения на основе знаний и «встраиваться» в поток движения.²⁵

Немаловажным аспектом рефлексивной мобильности эвенков являются технологии автономного существования в течение определенных отрезков времени без дополнительного снабжения продуктами питания, топливом, инструментами, одеждой. Эвенки всегда обладали навыками самостоятельного изготовления орудий труда, одежды и средств передвижения, а также их оперативного ремонта.²⁶ Они освоили и способы экономного использования ресурсов. Совместные перемещения людей и оленей давали возможность поддерживать высокую степень автономности в экономике, движении и коммуникации.²⁷

Способы перемещения в пространстве следует анализировать с точки зрения сохранения энергии, минимизации ее потребления в условиях длительной автономности. Именно это обстоятельство обусловило необходимость для жителей тайги и тундры выработать определенные кочевые технологии,²⁸ которые позволяли бы охотникам и оленеводам быстро менять свое местонахождение в пространстве, перемещаясь вместе с животными и вещами на большие расстояния. Несмотря на инновации, важную роль для современных эвенков продолжают играть сделанные самостоятельно инструменты, а также традиционные и хорошо апробированные технологии их изготовления.²⁹

Стратегия минимализма в имуществе и потреблении ресурсов³⁰ коррелирует с существованием временных баз, где охотники хранят свои вещи. Оленеводы обычно оставляют зимние вещи, нарты в определенных местах в тайге и возвращаются туда, чтобы забрать их и перевезти в нужное место в момент необходимости. Серия подобных перемещений — результат рефлексивного процесса.

Со стратегией минимализма связаны практики использования имеющейся инфраструктуры, позволяющей сэкономить усилия по возведению новых построек. В процессе строительства эвенкийские охотники и оленеводы креативно используют местные материалы и остатки старых построек. Во многих местах они адаптируют, ремонтируют и модифицируют уже существующие строения. Например, оленеводы юга Республики Саха (Якутия) иногда используют ранее возведенную на территории пастбищ городьбу, предварительно восстанавливая разрушенные участки, а эвенки общины «Орон» на Северном Байкале в течение многих лет использовали деревянные детали заброшенных геологами домов в качестве топлива и материалов для строительства. Здесь также важен рефлексивный процесс: оленеводы в этом случае предварительно оценивают качество пастбищ, наличие хищников,

²⁴ См.: Попов А. А. Охота и рыболовство у долган // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936). Л.; М., 1937. С. 147–206; Дьяченко В. И. Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб., 2005; Он же. Охотник и дикий северный олень: поведение во время промысла // Сибирский сборник–4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб., 2014. С. 693–701.

²⁵ См.: Urqu J. Global Flows and Global Citizenship // Democracy, Citizenship, and the Global City. Innis Centenary Series: Governance and Change in the Global Era. London, 2000. P. 62–78; Idem. Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. London, 2012.

²⁶ См.: Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969. С. 66–107.

²⁷ См.: Головнёв А. В. Указ. соч. С. 9; Он же. Кочевники Арктики: стратегии мобильности // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (4). С. 131–140.

²⁸ См.: Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры / Головнёв А. В. [и др.]. Екатеринбург, 2015. С. 6–71; Головнёв А. В. Кочевники Арктики: стратегии мобильности. С. 131–140.

²⁹ См.: Брандишаускас Д. Старые технологии и современное изготовление таежного снаряжения у эвенков Забайкалья // Изв. Лаб. древ. технологий. 2017. Т. 13, № 3. С. 44–57.

³⁰ См.: Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. С. 98; Симонова В. В. Этики тайги: эвенки Северного Байкала. Между позитивизмом и локальной стратегией минимума // Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб., 2016. С. 70–97.

возможность использования и восстановления старых конструкций, что позволяет им осваивать территорию более рационально.

В тайге эвенки во многих местах стали вместо палаток или наряду с ними использовать деревянные избушки-зимовья. Строятся они в основном охотниками, которые осваивают определенные участки, возвращаясь в одно и то же место из года в год. Эвенкийские зимовья также отличаются простотой и наполнены минимумом имущества, необходимого для временного пребывания в них человека, — типичная черта всех охотничьих таежных избушек. В них «в свободных рамках минимализма соединены комфорт и теплота таежного стиля жилой таежной постройки»,³¹ и при этом все отличается функциональностью, позволяет экономно использовать имеющиеся ресурсы.

Наблюдая оленеводов, невольно приходишь к выводу, что они стремятся избежать всего, что привязывает их к конкретному месту и ограничивает их мобильность. Иными словами, стратегия минимализма позволяет им поддерживать мотильность — потенциальную возможность движения.³² Эвенки во многих случаях не приветствуют заготовку чего-либо впрок, поскольку лишние вещи часто ограничивают возможность перемещений. Существуют не только естественные ограничители движения в виде ландшафтов, водоемов, погодных условий, зависящих от места и сезона (например, мобильность в весеннее время во многих местах приостанавливается паводком на реках, обычно называемым Большой Водой). Мобильность эвенков всегда имела ограничители в виде институтов обычного права, регулирующего отношения с соседями, в виде политики государства, приписывавшей человека к конкретной административной единице или населенному пункту, создававшей необходимость периодического посещения одной и той же точки пространства. В современных условиях амплитуда перемещений охотников и оленеводов менялась также в результате распределения территорий между общинами и предприятиями.

Важным аспектом мобильности эвенков является способность проявлять креативность и находчивость, основываясь на своих наблюдениях и анализе текущей ситуации.³³ В контексте образа жизни эвенков она выражается как в самом поиске возможностей перемещений, так и в оперативном ремонте средств передвижения. Мобильность эвенков существует не в рамках четко определенной и закрытой системы, она предполагает возможность импровизации, креативного подхода, внесения коррективов. В этом смысле эвенки, постоянно настраивая, ремонтируя и модифицируя технику и адаптируя технологии, являются «дизайнерами» своей собственной мобильности, что, в свою очередь, помогает им действовать эффективно в экстремальных ситуациях.³⁴

Таким образом, использование эвенками инфраструктуры является частью рефлексивного и креативного процессов. Инфраструктура обладает определенной «властью» по отношению к людям: ее объекты играют роль центров притяжения, в некоторых местах превращаясь в точки, куда охотники и оленеводы постоянно возвращаются. Ее использование эвенками является неотъемлемой составляющей их мобильности, позволяет интенсифицировать перемещения в определенных местах. Постройки превращаются в своеобразные логистические центры, где происходит замена вещей: люди постоянно приносят туда что-то и оставляют, забирая с собой необходимое. Способы освоения пространства эвенками базируются на интенсивном использовании подобных центров распределения, в качестве которых выступают не только базы в тайге, но и населенные пункты. При этом движение эвенков не сводится к жесткой схеме: оно всегда предполагает элемент случайности, «импровизации»; базы в тайге не являются раз и навсегда заданными точками пространства, охотники и оленеводы адаптируют к своим потребностям новые места и технологии, если возникает необходимость. Именно умения изобретать и рефлексировать позволили эвенкам освоить огромные территории Сибири.

³¹ Бабич Н. А., Неволин Н. Н., Евдокимов И. В. Очерки о таежных избушках. Вологда; Молочное, 2014. С. 54.

³² См.: Kaufmann V. Re-thinking Mobility. *Contemporary Sociology*. Aldershot, 2002; Урри Д. Указ. соч. С. 122, 123.

³³ См.: Habeck J. O., Broz L. Introduction: Experience and Emotion in Northern Mobilities // *Mobilities*. 2015. Vol. 10, № 4. P. 511–517.

³⁴ См.: Proximal Design: Users as Designers of Mobility in the Russian North / Usenyuk S. [et al.] // *Technology and Culture*. 2016. Vol. 57, № 4. P. 866–908.

Vladimir N. Davydov

Candidate of Sociological Sciences, PhD in Anthropology, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint-Petersburg)
E-mail: davydov.kunstkamera@gmail.com

**MOBILITY AS THE REFLEXIVE AND THE CREATIVE PROCESSES:
USE OF INFRASTRUCTURE BY THE EVENKIS OF EASTERN SIBERIA**

The article presents a study of the role of infrastructure in the routine practices of the Evenkis of Eastern Siberia within the context of their continuous migrations. The Evenkis' mobility is analyzed as the reflexive and the creative process based on processing of a large amount of continuously updated information about the environment, the climatic conditions, movements of the people, equipment, as well as the wild and domestic animals. This is the product of synthesis of the traditional techniques and the innovations. Historically the Evenkis colonized the environment by means of building temporary bases to which they returned from time to time. The infrastructure which became available in the course of the industrial development projects implementation, as well as the policy of transition to a sedentary way of life, was quite pragmatically incorporated by Evenkis to serve their routine tasks: it was used as the source of construction materials, fuel, as convenient camping and storage places, and as the bases for organization of further movement. All this contributed to rationalization of mobility and served as a power source as a result of a reflexive process which did not make clear distinction between the natural and the anthropogenic landscape.

Keywords: mobility, appropriation of space, infrastructure, utilization of local resources, creativity, temporality, reflexivity, Eastern Siberia, Evenkis, hunters, reindeer herders

REFERENCES

- Anderson D. G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford: Oxford University Press, 2000, 270 p. (in English).
- Anderson D. G., Kvie K. S., Davydov V. N., Røed K. H. Maintaining genetic integrity of coexisting wild and domestic populations: Genetic differentiation between wild and domestic Rangifer with long traditions of intentional interbreeding. *Ecology and Evolution*, 2017, vol. 7, iss. 17, pp. 6790–6802. (in English).
- Babich N. A., Nevolin N. N., Evdokimov I. V. *Ocherki o tayezhnykh izbushkakh* [Essays about taiga huts]. Vologda; Molochnoe: VGMKhA Publ., 2014, 104 p. (in Russ.).
- Brandišauskas D. [Old technologies and contemporary production of taiga gear by Evenki of Transbaikalia]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of ancient technologies], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 44–57. (in Russ.).
- Brandišauskas D. Leaving Footprints in the Taiga: Luck, Spirits and Ambivalence among the Siberian Orochen Reindeer Herders and Hunters. New York: Berghahn books, 2016, 305 p. (in English).
- Davydov V. N. [Knight's move: chess at the Evenk reindeer herders of Northern Baikal and Transbaikalia]. *Radlovskiy sbornik: Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proyekty MAE RAN v 2014 g.* [Radlovsky Collection: Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2014]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2015, pp. 241–246. (in Russ.).
- Davydov V. N. Temporality of Movements in the North: Pragmatic Use of Infrastructure and Reflexive Mobility of Evenkis and Dolgans. *Sibirica*, vol. 16, no. 3, Winter 2017, pp. 14–34. (in English).
- Dyachenko V. I. [Hunter and wild reindeer: behavior during hunting]. *Sibirskiy sbornik-4. Grani sotsial'nogo: Antropologicheskiye perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnosheniy i kul'tury* [Siberian Collection-4. The edge of social: Anthropological perspectives on the study of social relations and culture]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2014, pp. 693–701. (in Russ.).
- Dyachenko V. I. *Okhotniki vysokikh shirot: dolgany i severnyye yakuty* [Hunters of High Latitudes: Dolgans and Northern Yakuts]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom Publ., 2005, 272 p. (in Russ.).
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cornwall: T. J. Press (Padstow) Ltd., 1993, 186 p. (in English).
- Golovnev A. V. [Arctic mobility: technologies and strategies]. *Severo-vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-eastern journal of humanities], 2015, no. 4 (13), pp. 7–11. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [The Arctic Nomads: Strategies of Mobility]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2016, no. 44 (4), pp. 131–140. (in Russ.).

- Golovnev A. V., Perevalova E. V., Abramov I. V., Kukanov D. A., Rogova A. S., Usenyuk S. G. *Kochevniki Arktiki: tekstovo-vizual'nyye miniatyury* [Nomads of the Arctic: text-visual miniatures]. Ekaterinburg: "Alpha-print" Publ., 2015, 132 p. (in Russ.).
- Habeck J. O., Broz L. Introduction: Experience and Emotion in Northern Mobilities. *Mobilities*, 2015, vol. 10, no. 4, pp. 511–517. (in English).
- Hastrup K. The Nomadic Landscape: People in a Changing Arctic Environment. *Geografisk Tidsskrift – Danish Journal of Geography*, 2009, vol. 109, no. 2, pp. 181–189. (in English).
- Ingold T. The temporality of the landscape. *World archaeology*, 1993, vol. 25, no. 2, pp. 152–174. (in English).
- Kaufmann V. Re-thinking Mobility. *Contemporary Sociology*. Aldershot: Ashgate, 2002, 120 p. (in English).
- Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg; Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017, 467 p. (in English).
- Lyarskaya E. V. [Women and the Tundra. A gender shift in the Yamal Peninsula?]. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2010, no. 13, pp. 3–38. (in Russ.).
- Popov A. A. [Hunting and fishing in Dolgan]. *Pamyati V. G. Bogoraza (1865–1936)* [In memory of V. G. Bogoraz (1865–1936)]. Leningrad; Moscow: AN SSSR Publ., 1937, pp. 147–206. (in Russ.).
- Safonova T., Sántha I. Mapping Evenki Land: The Study of Mobility Patterns in Eastern Siberia. *Folklore*, 2011, vol. 49, pp. 71–96. (in English).
- Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups). Shanghai: The Commercial Press, 1929, 427 p. (in English).
- Simonova V. V. [Ethics of the taiga: Evenks of the Northern Baikal. Between positivism and the local strategy of the minimum]. *Ogon', voda, veter i kamen' v evenkiyskikh landshaftakh. Otnosheniya cheloveka i prirody v Baykal'skoy Sibiri* [Fire, water, wind and stone in the Evenki landscapes. Relations between man and nature in Baikal Siberia]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2016, pp. 70–97. (in Russ.).
- Sirina A. A. *Evenki i eveny v sovremennom mire: Samoznaniye, prirodopol'zovaniye, mirovozzreniye* [Evenks and Evens in the modern world: Consciousness, environmental management, outlook]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2012, 604 p. (in Russ.).
- Sirina A. A. *Katangskiye evenki v XX veke: rasseleniye, organizatsiya sredy zhinedeyatel'nosti* [Katangsky Evenks in the 20th century: resettlement, organization of the vital activity environment]. Moscow; Irkutsk: "Ottisk" Publ., 2002, 286 p. (in Russ.).
- Ssorin-Chaikov N. V. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003, 275 p. (in English).
- Ssorin-Chaikov N. V. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago: Hau Books, The University of Chicago Press, 2017, 256 p. (in English).
- Tugolukov V. A. *Idushchiye poperek khrebtov* [Running across the ridges]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo Publ., 1980, 184 p. (in Russ.).
- Tugolukov V. A. *Sledopyty verkhom na olenyakh* [Pathfinders riding on reindeer]. Moscow: Nauka Publ., 1969, 216 p. (in Russ.).
- Urry J. Global Flows and Global Citizenship. *Democracy, Citizenship, and the Global City. Innis Centenary Series: Governance and Change in the Global Era*. London: Routledge, 2000, pp. 62–78. (in English).
- Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praksis Publ., 2012, 576 p. (in Russ.).
- Urry J. Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. London: Routledge, 2012, 255 p. (in English).
- Usenyuk S., Hyysalo S. and Whalen J. Proximal Design: Users as Designers of Mobility in the Russian North. *Technology and Culture*, 2016, vol. 57, no. 4, pp. 866–908. (in English).
- Vasilevich G. M. *Evenki: Istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenks: Historical and ethnographic essays (18th – early 20th century)]. Leningrad: Nauka Publ., 1969, 304 p. (in Russ.).
- Willerslev R. Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukaghirs. University of California Press: Berkeley, 2007, 235 p. (in English).

К статье В. Н. Давыдова

Осмотр окрестностей. Каларский район, Забайкальский край.
Фото В. Н. Давыдова, июнь 2013 г.

Железнодорожный мост, используемый оленеводами для переправы через реку.
Каларский район, Забайкальский край. Фото В. Н. Давыдова, июнь 2013 г.